

Михалева О. Л. Организация устного диалогического дискурса: обратная связь и способы её экспликации / О. Л. Михалева, У. Э. Чекмез // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 29—47. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-29-47.

Mikhaleva, O. L., Chekmez, U. E. (2021). Organization of Oral Dialogical Discourse: Feedback and Ways of Its Explication. *Nauchnyi dialog, 1*: 29-47. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-29-47. (In Russ.).

УДК 808.56+811.161.1'42+81-114.4

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-29-47

ОРГАНИЗАЦИЯ УСТНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ И СПОСОБЫ ЕЁ ЭКСПЛИКАЦИИ¹

© **Михалева Ольга Леонидовна (2021)**, orcid.org/0000-0003-3313-0605, ResearcherID ABE-4794-2020, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Россия), pikutskaja@gmail.com.

© **Чекмез Ульяна Эдуардовна (2021)**, orcid.org/0000-0002-0571-741X, ResearcherID AAZ-7430-2020, преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Россия), chekmezu@gmail.com.

В статье изложены результаты исследования обратной связи в русском устном диалогическом дискурсе. Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, дискуссионным является вопрос, касающийся квалификации фрагментов устного дискурса с точки зрения их отнесенности к жанру монолога, диалога, полилога. Во-вторых, есть ряд теоретических проблем, являющихся следствием такой квалификации, в частности, в научном описании маркеров обратной связи (на материале русского языка) обнаруживается довольно большое количество лакун. В статье даны определения терминов *обратная связь* и *маркеры обратной связи*. Авторы отмечают, что представляется целесообразным рассматривать маркеры обратной связи несколько расширенно, включая в эту группу не только единицы, используемые для выражения позитивного внимания, но и единицы, способные сигнализировать о затруднениях при восприятии высказывания собеседника, а также иллокутивно вынуждаемые единицы, являющиеся реакцией на инициальную реплику собеседника. Предлагаются критерии для включения единиц, функционирующих в рамках вокальной модальности, в группу маркеров обратной связи. Предложена классификация маркеров обратной связи, основанная на способности единиц сворачивать пропозицию, содержащуюся в высказывании собеседника. Представлены количественные характеристики описываемых подгрупп.

Ключевые слова: устный дискурс; диалогичность; обратная связь; маркеры обратной связи.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта ИГУ, проект «Способы экспликации обратной связи в диалоге» (091-20-326).

1. Введение в проблематику

Объектом описания в данной статье выступает форма дискурса, признанная многими учеными первичной, исходной, основной [Шведова, 1956; Девкин, 1981; Земская, 1983; Баранов, Крейдлин, 1992; Михайлов, 2003; Федотова, 2005; Ширяев, 2003; Борисова, 2009; Кибрик, 2016]. «Устное общение лицом к лицу является в первую очередь диалогическим, интерактивным. Взаимодействие между коммуникантами и постоянное чередование ролей говорящего и слушающего, в общем случае между несколькими индивидами, — это прототипическая ситуация использования языка» [Кибрик, 2016, с. 38]. Такая ситуация априори предполагает взаимодействие нескольких участников и обязательное наличие обратной связи.

Несмотря на то, что в последние десятилетия появилось большое количество исследований, посвящённых устной речи, перечень явлений, составляющих специфику устного дискурса в целом и диалогического дискурса, в частности, находится в стадии обсуждения. Сейчас исследователи могут использовать различные программы для более детального анализа звучащей речи (Elan, Speech Analyser, Praat), с их помощью оказывается возможным более точно фиксировать явления, специфические для устной речи, что позволяет, с одной стороны, максимально подробно описать интересующий исследователя феномен, например, дискурсивные слова, с другой — данный инструментарий позволяет рассматривать явления устной речи в их взаимодействии, уделять большее внимание окружению тех или иных единиц.

Проблемными являются вопросы, касающиеся аннотирования устного дискурса (с какой степенью подробности аннотировать устную речь, какими письменными средствами передавать феномены устной речи), членения устного дискурса (какие единицы считать минимальными), отнесения устного дискурса к той или иной форме речи (к монологу, диалогу, полилогу) и др.

Перечисленные выше проблемы являются взаимосвязанными и актуальными, от их решения напрямую зависят выводы, получаемые исследователями в результате аннотирования и последующего анализа устного дискурса.

Так, к одной из базовых следует отнести проблему разграничения монолога, диалога, полилога в рамках устного дискурса. Основой для такого разграничения служит единственный критерий — число участников общения. На первый взгляд, опора на данный критерий не предполагает каких-либо разночтений: исследователю устного дискурса достаточно выбрать некоторый текст, сосчитать количество участников и отнести речевое произведение к той или иной форме.

Однако часто в распоряжении исследователя находится многочасовая аудиозапись, из которой — в зависимости от цели исследования — выбирается некоторый фрагмент. Длительность последнего может быть различной (от нескольких секунд до нескольких часов). Однако от продолжительности фрагмента может зависеть количество речевых партий, представленных в нем. Так, например, если двухчасовую запись интервью последовательно разделить на трехсекундные фрагменты, высока вероятность того, что в них будет представлена речевая партия только одного собеседника. В то же время, как показало проведенное исследование, при расширении диапазона до 1,5 минут обнаруживаются фрагменты интервью, в которых зафиксированы речевые партии 6 собеседников. Но в то же время частотны и фрагменты такой же продолжительности, в которых преимущественно представлена речевая партия только одного из участников.

Таким образом, чем короче продолжительность выбранного фрагмента, тем более высока вероятность представленности в нём случайного набора речевых партий собеседников. В результате фрагменты одного интервью могут быть охарактеризованы по-разному. Это, в свою очередь, может привести к тому, что ряд факторов, влияющих на развитие дискурса в целом и на отдельные его фрагменты, окажется неучтенным.

Помимо этого, существует точка зрения, в соответствии с которой некоторый фрагмент устного дискурса признается монологом несмотря на то, что исследователю известно, что в разговоре принимают участие несколько человек. В этом случае в качестве исследуемой выступает речевая партия одного из участников взаимодействия. В процессе анализа такая речевая партия рассматривается как изолированная, а речевая партия собеседника(ов) признается побочной.

Такой подход представлен, в частности, в монографии «Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание»: «В диалоге существует направленность двух участников коммуникации — в отличие от монолога, в котором направленность характеризует только говорящего при относительно пассивном участии слушающего. Последний выражает своё участие в монологе либо невербально (мимикой, жестами), либо вербально (так называемыми “сигналами адресата речи”: *м-м, угу, ага, а-а, эмм, ну-ну, мда* и т. д.). <...> Монолог характеризуется преобладанием одного говорящего над другим при той же мере роли» [Богданова-Бегларян и др., 2012, с. 66].

Исходя из данного утверждения, следующий фрагмент устного дискурса должен быть рассмотрен как монологический.

[Хадижа, жен., студентка] *Ну / ну как бы они же читают под традицию св ...*

[Надя, жен., студентка] *Ну-ну' - ну-ну' - ну.*

[Хадижа, жен., студентка] *... хип-хопера свою / вот / я говорю / «До ... возможно / фанкса какого-нибудь»* (Беседа двух приятельниц, 2016) [НКРЯ].

Признавая фрагменты, аналогичные тому, что представлен выше, монологическими, исследователь исключает из сферы своего внимания речевую партию одного из участников устного дискурса, а следовательно, отрицает значимость феномена обратной связи как такового для устного дискурса, что, с одной стороны, представляется в корне неверным, а с другой — объясняет отсутствие удовлетворительного описания единиц, перечисленных выше (*м-м, угу, ага, а-а, эмм, ну-ну, мда* и подобных им), частотных для русского устного спонтанного дискурса.

Очевидно, есть все основания считать такую постановку вопроса дискуссионной: если исследователь воспринимает «сигналы адресата речи» как нечто побочное, высока вероятность того, что он не будет отражать их в аннотации, что может в значительной мере повлиять на результаты анализа устного дискурса и даже исказить их.

В силу изложенного мы придерживаемся другой исследовательской позиции, в рамках которой устный дискурс рассматривается как сложно устроенный феномен, развитие которого зависит от целого ряда экстралингвистических факторов: от количества и состава участников дискурса, от пространства, в котором осуществляется коммуникация, от канала(-ов) связи и т. п. Чем более естественны (не заданы исследователем) условия, в которых функционирует дискурс, тем сложнее оказывается расчленить его на фрагменты и однозначно отнести к монологу, диалогу или полилогу.

Принципиальный учёт влияния любого из участников взаимодействия на развертывание устного дискурса, на формирование его строения и фактуры обуславливает использование термина *диалогичность* как более корректного в данных условиях, чем термин *диалог*.

2. Феномен обратной связи

Обратная связь при непосредственном взаимодействии может осуществляться как невербальными средствами (например, кивок в знак согласия с тезисом собеседника или совершение некоторого действия, названного в стимульном высказывании собеседника; если собеседник попросил закрыть окно, то обратная связь может реализоваться актом закры-

тия окна и т. п.), так и вербальными знаками (например, собеседник может выразить согласие с произнесенным с помощью высказывания «*Действительно, закрою*»).

Вербальная реакция на просьбу может состояться множеством других способов: например, участник диалога, к которому была обращена просьба, мог сказать: «*Ага*», «*Хорошо*» или «*Ладно*»; или вербализовать свое отношение к ситуации в высказывании: «*Встань и закрой окно сам*». Как отмечал Л. Блумфилд, «возможности практической реакции возрастают бесконечно, поскольку разные слушающие могут быть способны на самые разнообразные действия» [Блумфилд, 1968, с. 40].

Стоит отметить, что отдельной проблемой при описании устного диалогического дискурса является выбор термина для обозначения коммуниканта, вербально эксплицирующего обратную связь, например, в высказывании Л. Блумфилда он обозначен как *слушающий*, но — с формальной точки зрения — в момент экспликации обратной связи происходит мена ролей собеседников. Поскольку в данной статье исследуется феномен обратной связи, проблема терминологического обозначения коммуникантов в аспекте мены коммуникативных ролей при диалогическом взаимодействии не обсуждается.

В данной статье под **обратной связью** понимается коммуникативный феномен, имманентно присущий устному диалогическому взаимодействию, сопровождающий процесс восприятия речи и проявляющийся в виде ответной реакции. Мы намеренно не ограничиваемся в определении только вербальной составляющей, так как описание невербальных ответных реакций не может быть исключено из сферы внимания лингвистов, поскольку представляет собой отдельную проблему, которая должна быть решена в рамках мультимодальной лингвистики.

3. Маркеры обратной связи

Обратная связь как феномен, имманентно присущий диалогическому дискурсу, имеет почти бесконечное множество вербальных способов реализации, которые зависят от ситуации, условий общения, языковых средств: «Речевой акт (и его воплощение в слове), а также весь ход практических событий до и после речи зависят от всей истории жизни говорящего и слушающего» [Блумфилд, 1968, с. 37].

Безусловно, целью данного исследования не является описание всего набора имеющихся в распоряжении собеседников средств экспликации обратной связи, в противном случае было бы необходимо описать все вербальные и невербальные средства, когда-либо использовавшиеся носите-

лами русского языка в диалогическом взаимодействии. В большей степени нас интересуют короткие вербальные единицы, которые позволяют организовывать диалогическое взаимодействие [АА]. Поскольку «целенаправленный характер речи ориентирован на собеседника и на понимание с его стороны» [Плотников, 1983, с. 143], можно предположить, что должен существовать набор довольно разнообразных единиц, основной функцией которых является экспликация понимания собеседника.

Рассмотрим несколько фрагментов диалогов (табл. 1, 2), чтобы более точно обозначить круг интересующих нас явлений.

Таблица 1

Фрагмент интервью 1

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	Л.С.	Е.В.
32	00:21.50	00:23.44		Нынче зато у вас /тыквы вон какие...
33	00:23.85	00:26.18	О это ещё /маленькие ны= нынче.	

В данном фрагменте есть стимульная и ответная элементарная дискурсивная единица (далее — ЭДЕ), что свидетельствует о наличии обратной связи в диалоге. Как видим, ответная реакция абсолютно адекватна заданному стимулу: в ней содержится анафорическая единица *это*, а также прилагательное *маленькие*, которое согласуется в категориях числа и падежа с существительным *тыквы*, это подтверждает тот факт, что высказывания собеседников касаются одного и того же объекта. Следовательно, можно утверждать, что Л. С. понимает содержание ЭДЕ, заложенное Е. В., чего нельзя было бы сказать, если бы ответная ЭДЕ Л. С. включала в себя одно слово, никак не соотносящееся с содержанием ЭДЕ Е. В., например, слово *мяч*. При этом невозможно утверждать, что основной функцией ЭДЕ Л. С. является экспликация понимания собеседника. К основной функции ЭДЕ Л. С. следует отнести продвижение дискурса, связанное с обсуждением этого объекта, или корректировку оценок, вербализованных Е. В., но не экспликацию понимания. Понимание в таком случае является имманентным свойством кооперативности общения и, являясь неотъемлемым условием возможности функционирования устного диалогического дискурса, остается за пределами внимания участников диалога, а следовательно, и их осознанных целевых установок. Каждый из участников диалога, порождая некоторое высказывание, заранее рассчитывает на понимание собеседника, на его способность извлечь план содержания, вкладываемый говорящим. Подобные случаи останутся за пределами нашего внимания, в том числе потому, что именно они предполагают существование беско-

нечного множества возможных способов выражения как стимульной, так и ответной ЭДЕ участников диалога.

По этим же причинам в круг рассматриваемых нами явлений не входят фрагменты дискурса следующего типа.

Таблица 2

Фрагмент интервью 2

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	В.И.	Е.В.
212	03:12.73	03:13.97		А /ондатру как ловили?
213	03:14.12	03:15.33	Ну /тоже так же капканом,	

В данном фрагменте ЭДЕ Е. В. иллюкативно вынуждает появление ЭДЕ В. И. Сам факт иллюкативного вынуждения уже ограничивает круг возможных вербальных реакций В. И., однако, несмотря на сужение спектра вербальных реакций, ответное высказывание В. И. может быть оформлено с помощью довольно обширного арсенала языковых единиц, способных описать способ или даже способы поимки ондатры. Смоделировать все вероятные вербальные реакции не представляется возможным, так как в них может варьировать как степень подробности, с которой описывается данный процесс, так и набор языковых единиц, которые говорящий почитает необходимым избрать в качестве тех, что, по его мнению, позволяют наиболее удачно «упаковать» имеющийся в сознании говорящего план содержания.

Таким образом, стимульные и реактивные ЭДЕ, представляющие собой развернутые высказывания, находятся за пределами нашего внимания.

В первую очередь нас интересуют короткие вербальные единицы, позволяющие организовывать коммуникативное взаимодействие и, как выяснилось в ходе исследования, составляющие специфику диалогического дискурса. К единицам такого типа мы относим маркеры обратной связи /аа, /мм, -а!, /а?, /м?, ауа, мцм, да, как?, конечно, нет, не, но, ну, понятно, ясно и т. п., а также редуцированные варианты ряда из них (да-да, как-как?, нет-нет и т. п.), варианты, в которых осуществлена множественная итерация их сегментов (да-да-да-да-да, не-не-не, но-но-но и т. п.), и варианты, в которых представлена комбинация перечисленных выше единиц (да конечно, ясно понятно и т. п.). Обратим внимание на избранный в статье способ аннотирования элементов устного дискурса: все маркеры обратной связи, при произнесении которых регулярно реализуются явления неканонической фонетики, зафиксированы при помощи символов МФА (Международного Фонетического Алфавита), остальные же маркеры об-

ратной связи переданы в соответствии с требованиями орфографии русского языка. Знаки слева от маркера обратной связи призваны обозначить характер движения тона (восходящий, ровный, нисходящий) при произнесении данных единиц, а знаки справа — их иллокутивно-фазовое значение.

Мы отдаем себе отчет в том, что на данном этапе исследования нами выявлена лишь малая часть того набора единиц, благодаря которым организовывается диалогическое взаимодействие, однако, как кажется, единицы, встретившиеся в нашей выборке более одного раза, являются наиболее частотными, то есть такими, которые возможно обнаружить в устном диалогическом дискурсе любого типа.

Стоит отметить, что наше понимание маркеров обратной связи является расширенным по сравнению с общепринятым. Обычно маркерами обратной связи называют «короткие вербальные или невербальные ответные реакции, которые используются Слушающим для выражения позитивного внимания к Говорящему без каких-либо попыток поменяться с Говорящим ролями» [Кобозева и др., 2019, с. 291]. Однако с таким узким пониманием не позволяет согласиться следующее обстоятельство. Во-первых, маркеры обратной связи могут сигнализировать не только о позитивном внимании, но и о затруднениях, возникших у собеседника при восприятии высказывания (*а? м? что?*), во-вторых, функционирование большинства из вышеперечисленных единиц не ограничивается только функцией выражения позитивного внимания. Степень семантической наполненности таких единиц в значительной мере зависит от контекста, который их окружает. Так, единица *мцм* может сигнализировать о восприятии (= позитивное внимание) активным слушающим части высказывания собеседника (— *Берём три яйца ... — Мцм.*), а может выступать в качестве ответной реакции на предыдущее высказывание собеседника (— *Ты идешь в столовую? — Мцм.*). В данном случае задача собеседника не просто выразить позитивное внимание, а подтвердить истинность запрошенной информации. На данный момент мы не имеем достаточно оснований для того, чтобы квалифицировать парадигматические отношения, в которых состоят контекстные употребления *мцм* (разные значения одного слова / омонимы), поскольку употребления первого типа (позитивное внимание) на материале русского языка описаны недостаточно, что же касается употреблений второго типа, то они описаны преимущественно на материале письменной речи или устной речи, содержащейся в Мультимедийном корпусе русского языка, «включающем фрагменты кинофильмов 1930—2000-х годов» [НКРЯ], которые также сложно признать естественной средой для функционирования единиц данного типа.

Таким образом, представляется целесообразным рассматривать маркеры обратной связи несколько расширенно, то есть в рамках одной группы, которую возможно разделить на несколько подгрупп, опираясь, в частности, на характеристики окружающего их контекста.

4. Классификация маркеров обратной связи

Далее продемонстрируем специфику функционирования маркеров обратной связи на материале имеющегося в нашем распоряжении корпуса текстов.

Таблица 3

Фрагмент интервью 3

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	В.И.	М.Б.
332	04:49.23	04:49.87		А это вы уже /где ==
333	04:49.87	04:50.77		это в /лесу делали уже,
334	04:50.77			или /домой когда приносили уже ?
335	04:51.72	04:51.92	Это /дома.	
336		04:51.97		
337	04:52.14	04:52.72		//Дума уже да?
338	04:52.73	04:53.273	Да /конечно.	

Обратим внимание на маркер обратной связи *да конечно* (табл. 3) и его языковое окружение. Как видим, в предыдущем контексте содержится иллокутивное вынуждение, причем иллокутивно зависимыми являются обе ЭДЕ В. И. В данном фрагменте речь идет о том месте, в котором выдвигались шкурки соболя. М. Б. в первоначальном высказывании, представленном в строках 332—335 (см. табл. 3), формулирует запрос на получение информации, касающейся места, в котором выдвигались шкурки, а после получения ответной реакции уточняет имеющуюся информацию. В вопросах М. Б. содержится пропозиция, которая в свернутом виде представлена и в ответных ЭДЕ В. И., фактически маркер обратной связи *да конечно* имеет пропозициональное содержание ‘да, конечно, мы это делали, когда домой приносили’.

Обратимся к следующему примеру (табл. 4).

В данном фрагменте маркер обратной связи, представленный в строке 20, также является иллокутивно вынуждаемым, так как в высказывании Е. В. содержится запрос на уточнение пропозиции, которая в свернутом

Таблица 4

Фрагмент интервью 4

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	Н.И.	Е.В.
18	00:24.22	00:24.41		/Нет?
19	00:24.57			/таркой не \называли.
20	00:25.22	00:25.48	–Нет.	
21		00:25.49		

виде входит в пропозициональное содержание маркера обратной связи *нет* — ‘нет, таркой не называли’.

Таблица 5

Фрагмент интервью 5

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	Н.И.	О.Л.
136	02:13.53	02:14.43		А тельно /готовите?
137	02:14.86	02:15.14	/Как?	
138	02:15.23	02:15.58		/Тельно,
139	02:15.74	02:16.14		из \рыбы.
140	02:16.14	02:16.73	\Обязательно.	

В данном примере (табл. 5) рассмотрим ЭДЕ Н. И., содержащую маркер обратной связи *обязательно*. Как видим, эта ответная реакция снова является иллокутивно вынуждаемой, несмотря на то что вынуждающая ЭДЕ непосредственно не предшествует маркеру обратной связи. В этом примере после повтора части ЭДЕ, вызвавшей затруднения (*тельно*), а также небольшого уточнения (*из рыбы*), позволяющего Н. И. ограничить круг явлений, способных именоваться таким образом, Н. И. порождает ЭДЕ *обязательно*, которая позволяет в свернутой форме подтвердить информацию, запрашиваемую в ЭДЕ О. Л. (строка 136). В развернутом виде эта вербальная реакция могла бы принять следующий вид: *Да, конечно, я готовлю тельно из рыбы*.

Анализ данных примеров позволяет выделить подгруппу маркеров обратной связи, которые являются иллокутивно вынуждаемыми ответными реакциями на высказывание собеседника, представляющее собой конструкцию, содержащую пропозицию.

Другой, хотя и сходный, случай можем наблюдать в следующих контекстах (табл. 6, 7).

Таблица 6

Фрагмент интервью 6

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	Л.С.	М.Б.
2	00:01.18		Вот даже /лилии сфотографированы вот цветы.	
3	00:04.65	00:04.68		/Да-да-да.
4		00:05.30		

Вокальная составляющая данного фрагмента интервью, очевидно, сопровождает рассматривание фотографий. В ЭДЕ Л. С., несомненно, содержится пропозиция, которая в свернутом виде отражается и в пропозициональном содержании маркера обратной связи 'да, я вижу, вот они лилии'. Однако в данном случае в высказывании Л. С. уже не содержится иллокутивного вынуждения, как в предшествующих примерах. Помимо «верификации» пропозиции (этот термин использован Е. Р. Добрушиной в работе «Верификация в современной русской диалогической речи» [Добрушина, 1993] и И. М. Кобозевой, О. О. Ивановой, Л. М. Захаровым в статье «К мультимодальному моделированию верификативных дискурсивных маркеров в русском диалоге» [Кобозева и др., 2019]), представленной в ЭДЕ собеседника, данный маркер обратной связи призван сигнализировать о восприятии информации, полученной по визуальному каналу, следовательно, его использование детерминировано коммуникативной ситуацией.

Таблица 7

Фрагмент интервью 7

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	Л.С.	О.Л.
200	02:38.68		Ну/ что там на балконе-то цветы /восадив...	
201	02:40.51	02:41.29		/Конечно.
202		02:41.29		
203	02:41.29		Ну оно не /очень-то,	
204	02:41.30	02:41.59		/Но.
205		02:42.48		
206	02:42.52	02:44.50		Да эти ваши дома-то на /трассе же еще стоят,
207	02:44.50	02:46.44		а там же /машины-то везд-вперёд-то.
208	02:47.51	02:46.90	/Да-да.	

В данном фрагменте дискурса мы видим три маркера обратной связи: *конечно, но, да-да*. Каждый из них представляет собой реакцию на пропозицию, содержащуюся в высказывании собеседника, но ни один из них не

является иллокутивно вынуждаемым, о чем, в частности, свидетельствует наложение ЭДЕ собеседников друг на друга. Маркер обратной связи *конечно* в своем пропозициональном содержании полностью отражает пропозицию ЭДЕ Л. С., пропозициональное содержание маркера обратной связи *но* может быть развернуто следующим образом ‘да, действительно, оно не очень-то’, а маркера обратной связи *да-да* — как ‘да, наши дома на трассе стоят и машины там взад-вперед’. Стоит отметить, что маркеры обратной связи, использованные О. Л., с прагматической точки зрения обусловлены коммуникативной ситуацией и свидетельствуют о некоторой степени солидаризации О. Л. с мнением, высказываемым Л. С., что подтверждает дополнительная аргументация мнения Л. С., представленная в строках 206—207 (табл. 7).

Анализ данных примеров позволяет выделить ещё одну подгруппу маркеров обратной связи, которые являются реакциями на высказывание собеседника, представляющее собой конструкцию, содержащую пропозицию, однако их использование детерминировано коммуникативной ситуацией, следовательно, оно не иллокутивно вынуждаемо, а коммуникативно зависимо (и эта зависимость облигаторна).

В следующих примерах представлены контекстные употребления маркеров обратной связи совсем другого рода (табл. 8, 9, 10).

Таблица 8

Фрагмент интервью 8

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	Н.И.	О.Л.
189	03:08.08		А потом воду /наливаешь,	
190	03:09.31	03:09.38		–Мцм.
191		03:09.50		

Как видим, в данном случае (табл. 8) не приходится говорить об ответной реакции на пропозицию, содержащуюся в высказывании собеседника. Пропозициональное содержание маркера обратной связи *мцм* в данном случае в принципе не может быть развернуто, так как он используется активным слушающим — О. Л. — для того, чтобы сигнализировать Н. И. о восприятии информации, вербализованной в ЭДЕ основного говорящего, и побудить Н. И. к продолжению развития этой линии дискурса.

Использование маркера обратной связи *-/aa*. — по сравнению с использованием маркера *мцм* в предыдущем контексте — имеет тонкие прагматические отличия: конечно, он также призван сигнализировать о вос-

Таблица 9

Фрагмент интервью 9

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	Н.И.	Е.В.
83	01:23.82	01:24.88	/ну как тебе \сказать,	
84	01:25.52		чѐ-то-о вроде как /рыбу с= солишь,	
85	01:28.18	01:28.32		–/Аа.
86		01:28.68		

приятии информации, вербализованной в ЭДЕ основного говорящего, и он также не может быть развернут до полнозначного высказывания, однако он может быть заменен синонимичным с функциональной точки зрения выражением *вот оно как*. Стоит отметить, что и маркер обратной связи *–/аа.*, и выражение *вот оно как* будут иметь одинаковое просодическое оформление, которое представлено в удлинённой реализации первого гласного и общем движении тона (тональный контур имеет нисходяще-восходящую форму, реализованную как небольшое падение со среднего уровня и возврат к нему с небольшим повышением тона). Возможно, именно за счет просодических характеристик формируется семантика данных языковых единиц: они призваны сигнализировать о том, что некоторое высказывание основного говорящего по какой-то причине стало неожиданным для слушающего либо его содержание по каким-то причинам не согласуется с внутренними установками слушающего.

В следующем примере слушающий, наоборот, сигнализирует о затруднениях при восприятии информации.

Таблица 10

Фрагмент интервью 10

Line	t начала ЭДЕ	t конца ЭДЕ	Т.	М.Б.
214	03:15.34	03:16.04	/Жить охота.	
215	03:16.67	03:16.86		/А?
216	03:17.27	03:18.12	Жить /охота!	

Если в предыдущих случаях (табл. 8, 9) пропозицию основного говорящего нельзя было признать завершённой, то в этом случае (табл. 10) очевидно, что пропозиция говорящего завершена. В первый раз Т. произносит свою ЭДЕ очень тихо, поэтому у М. Б. возникают затруднения при

восприятию плана выражения ЭДЕ основного говорящего, о чем она незамедлительно сигнализирует, используя единицу /а?. Отметим, что повтор основным говорящим его предыдущей ЭДЕ свидетельствует о том, что с точки зрения языкового коллектива функционирование единиц, маркирующих переспрос, также является конвенциональным и потому считается основным говорящим.

Из анализа примеров следует, что необходимо выделить ещё одну группу маркеров обратной связи, которые соотносятся не с пропозицией, заключенной в высказывании собеседника, а, скорее, с самим актом говорения и восприятия / невосприятия ЭДЕ (не высказывания!) собеседника. Именно эта группа маркеров обратной связи, не имеющих координации с пропозицией инициальной реплики, оказывается — на материале русского языка — описанной в наименьшей степени.

5. Выводы

Проведённый анализ позволяет утверждать, что маркеры обратной связи необходимо классифицировать следующим образом (рис. 1):

- маркеры обратной связи, скоординированные с пропозицией инициальной реплики;
- маркеры обратной связи, не имеющие координации с пропозицией инициальной реплики.

Группа маркеров, имеющих координацию с пропозицией инициальной реплики, делится на две подгруппы:

- иллокутивно вынуждаемые маркеры обратной связи;
- коммуникативно облигаторные маркеры обратной связи.

Рис. 1. Классификация маркеров обратной связи

Количественное соотношение маркеров обратной связи (рис. 2) также представляет интерес. В рамках имеющегося корпуса (≈ 2300 словоупотреблений) в нотациях устного диалогического дискурса было зафиксировано 232 случая употребления маркеров обратной связи, из них 157 (68 %) случаев употребления пришлось на маркеры обратной связи, не имеющие координации с пропозицией инициальной реплики, и 75 (32 %) — маркеры обратной связи, скоординированные с пропозицией инициальной реплики, из них 50 (21 % от общего числа употреблений) случаев употребления составляют коммуникативно облигаторные маркеры обратной связи, и 25 (11 % от общего числа употреблений) случаев употребления составляют иллокутивно вынуждаемые маркеры обратной связи.

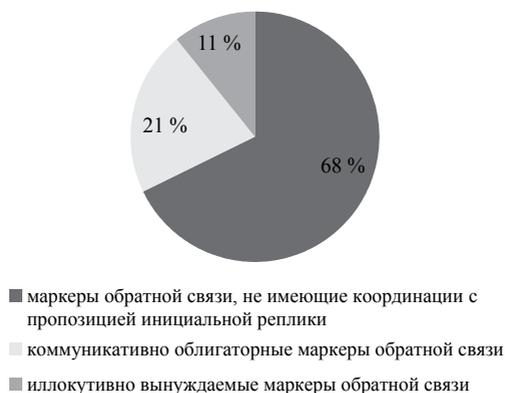

Рис. 2. Количественное соотношение маркеров обратной связи

Стоит отметить, что именно маркеры обратной связи, которые не имеют координации с пропозицией инициальной реплики и сигнализируют о восприятии / невосприятии ЭДЕ собеседника, являясь самыми частотными, оказываются практически неисследованными на материале русского устного дискурса. Это может быть обусловлено многими причинами: от отказа фиксировать в аннотации данные единицы до отсутствия адекватных семантических методов, которые могли бы быть применены для описания единиц такого типа.

Источники и принятые сокращения

1. АА — Архив авторов.
2. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения 29.06.20).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Языкознание : От Аристотеля до компьютерной лингвистики / В. М. Алпатов. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2018. — 253 с. — ISBN 978-5-91671-804-1.
2. Баранов А. Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. — 1992. — № 2. — С. 84—99.
3. Блумфилд Л. Язык / пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат. — Москва : УРСС, 2002. — 606 с. — ISBN 5-354-00164-1.
4. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог : структура и динамика / И. Н. Борисова. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. — 320 с. — ISBN 978-5-397-00069-7.
5. Гловинская М. Я. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / М. Я. Гловинская, Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе, М. В. Китайгородская, Е. В. Красильникова, Н. Н. Розанова ; отв. ред. Е. А. Земская. — Москва : Наука, 1983. — 239 с.
6. Девкин В. Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской / В. Д. Девкин. — Москва : Высшая школа, 1981. — 160 с.
7. Добрушина Е. Р. Верификация в современной русской диалогической речи : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. / Е. Р. Добрушина. — Москва, 1993. — 305 с.
8. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Н. В. Богданова-Бегларян, И. С. Бродт, В. В. Куканова [и др.] // отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2012. — 421 с. — ISBN 978-5-8465-1312-9.
9. Кибрик А. А. На пути к естественной грамматике русского языка / А. А. Кибрик // Сборник тезисов Международного научного симпозиума «Русская грамматика 4.0». — Москва : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2016. — С. 36—40.
10. Кобозева И. М. К мультимодальному моделированию верификативных дискурсивных маркеров в русском диалоге / И. М. Кобозева, О. О. Иванова, Л. М. Захаров // Национальный корпус русского языка : исследования и разработки. Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2019. — Выпуск 21. — С. 284—299. — DOI : 10.31912/pvrl-2019.21.16.
11. Кортаев Н. А. «Рассказы и разговоры о грушах» : принципы вокальной аннотации [Электронный ресурс] / Н. А. Кортаев. — Режим доступа : <http://multidiscourse.ru> (дата обращения 29.06.20).
12. Михайлов Л. М. Грамматика устной речи / Л. М. Михайлов. — Москва : Издательство Астрель-Аст, 2003. — 348 с. — ISBN 5-17-014558-6.
13. Мечковская Н. Б. Общее языкознание / Н. Б. Мечковская, Б. Ю. Норман, Б. А. Плотников, А. Е. Супрун ; под общ. ред. А. Е. Супруна. — Минск : Вышэйш. шк., 1983. — 456 с.
14. Рассказы о сновидениях : Корпусное исследование устного русского / под редакцией А. А. Кибрика и В. И. Подлесской. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — 736 с. — ISBN 978-5-9551-0303-7.
15. Федотова Л. В. Принципы диалогической коммуникации / Л. В. Федотова. — Ростов на Дону : Изд-во РГПУ, 2005. — 212 с. — ISBN 978-5-9916-8299-2.
16. Шведова Н. Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. — 1956. — № 2. — С. 67—83.

17. *Ширяев Е. Н.* Диалог / Е. Н. Ширяев // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева [и др.]. — Москва : Флинта : Наука, 2003. — С. 155.

18. *Шпомер Е. А.* Диалог как основная форма речевой коммуникации : системное описание специфических черт диалогической речи / Е. А. Шпомер // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. — 2014. — № 7. — С. 92—98.

19. *Grice H. P.* Logic and conversation / H. P. Grice // Cole P., Morgan J. L. (eds). *Syntax and semantics. Speech acts.* — New York : Academic Press, 1975. — Pp. 41—58.

20. *Heylen D.* Generating Listening Behaviour / D. Heylen, E. Bevacqua, C. Pelachaud, I. Poggi, J. Gratch, M. Schröder // *Cognitive Technologies.* — Springer, 2011. — Pp. 321—347.

21. *Yngve V.* On getting a word in edgewise / V. Yngve // Chicago Linguistic Society. — 1970. — Pp. 567—578.

ORGANIZATION OF ORAL DIALOGICAL DISCOURSE: FEEDBACK AND WAYS OF ITS EXPLICATION¹

© **Olga L. Mikhaleva (2021)**, orcid.org/0000-0003-3313-0605, ResearcherID ABE-4794-2020, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Irkutsk State University” (Irkutsk, Russia), pikutskaja@gmail.com.

© **Ulyana E. Chekmez (2021)**, orcid.org/0000-0002-0571-741X, ResearcherID AAZ-7430-2020, Lecturer, Department of Russian Language and General Linguistics, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Irkutsk State University” (Irkutsk, Russia), chekmezu@gmail.com.

The results of the study of feedback in the Russian oral dialogical discourse are presented in the article. The relevance of this study is due to several factors. First, the debatable issue is related to the qualification of fragments of oral discourse from the point of view of their relevance to the genre of monologue, dialogue, polylogue. Secondly, there is a number of theoretical problems arising from such qualifications, in particular, in the scientific description of feedback markers (based on the material of the Russian language), a rather large number of gaps are found. The definitions of the terms *feedback* and *feedback markers* are provided in the article. The authors note that it seems advisable to consider feedback markers in a somewhat expanded way, including in this group not only units used to express positive attention, but also units that can signal difficulties in perceiving the interlocutor's utterance, as well as illocutionary forced units that are a reaction to the initial a replica of the interlocutor. Criteria for the inclusion of units functioning within the vocal modality in the group of feedback markers are proposed. A classification of feedback markers based on the ability of units to collapse the proposition contained in the statement of the interlocutor is proposed. The quantitative characteristics of the described subgroups are presented.

Key words: oral discourse; dialogicalness; feedback; feedback markers.

1 The research was carried out with the financial support of the ISU grant, the project “Ways of explicating feedback in dialogue” (091-20-326).

MATERIAL RESOURCES

AA — *Arkhiv avtorov*. (In Russ.).

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 29.06.20). (In Russ.).

REFERENCES

- Alpatov, V. M. (2018). *Yazykoznanije: Ot Aristotelya do kompyuternoy lingvistiki* [Linguistics: From Aristotle to computational linguistics]. Moskva: Alpina non-fikshn. 253 p. ISBN 978-5-91671-804-1. (In Russ.).
- Baranov, A. N., Kreydlin, G. E. (1992). Illokutivnoye vyznuzhdeniye v strukture dialoga [Illocutionary compulsion in the structure of dialogue]. *Voprosy yazykoznaniya* [Voprosy yazykoznaniya], 2: 84—99. (In Russ.).
- Blumfeld, L. (2002). *Yazyk* [Yazyk]. Moskva: URSS. 606 p. ISBN 5-354-00164-1. (In Russ.).
- Borisova, I. N. (2009). *Russkiy razgovornyy dialog: Struktura i dinamika* [Russian conversational dialogue: Structure and dynamics]. Moskva: LIBROKOM. 320 p. ISBN 978-5-397-00069-7. (In Russ.).
- Devkin, V. D. (1981). *Dialog. Nemetskaya razgovornaya rech' v sopostavlenii s russkoy* [Dialog. German colloquial speech in comparison with Russian]. Moskva: Vysshaya shkola. 160 p. (In Russ.).
- Dobrushina, E. R. (1993). *Verifikatsiya v sovremennoy russkoy dialogicheskoy rechi*. PhD. Diss. [Verification in modern Russian dialogic speech. PhD. Diss.]. Moskva. 305 p. (In Russ.).
- Fedotova, L. V. (2005). *Printsipy dialogicheskoy kommunikatsii* [Principles of dialogical communication]. Rostov na Donu: Izd-vo RGPU. 212 p. ISBN 978-5-9916-8299-2. (In Russ.).
- Glovinskaya, M. Ya., Zemskaya, E. A., Kapanadze, L. A., Kitaygorodskaya, M. V., Krasilnikova, E. V., Rozanova, N. N. *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moskva: Nauka, 1983. — 239 p. (In Russ.).
- Grice, H. P., Cole, P., Morgan, J. L. (eds). (1975). Logic and conversation. In: *Syntax and semantics. Speech acts*. New York: Academic Press. 41—58.
- Heylen, D., Bevacqua, E., Pelachaud, C., Poggi, I., Gratch, J., Schröder, M. (2011). Generating Listening Behaviour. In: *Cognitive Technologies*. Springer. 321—347.
- Kibrik, A. A. (2016). Na puti k yestestvennoy grammatike russkogo yazyka [On the way to the natural grammar of the Russian language]. In: *Sbornik tezisev Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma «Russkaya grammatika 4.0»* [Collection of theses of the International Scientific Symposium “Russian Grammar 4.0”]. Moskva: Gos. IRYa im. A. S. Pushkina. 36—40. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M., Ivanova, O. O., Zakharov, L. M. (2019). K multimodalnomu modelirovaniyu verifikativnykh diskursivnykh markerov v russkom dialoge [Multi-modal modeling verification discourse markers in Russian dialogue]. In: *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka: issledovaniya i razrabotki. Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [National corpus of Russian language research and development], 21. Moskva: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN. 284—299. DOI: 10.31912/pvri-2019.21.16. (In Russ.).

- Korotayev, N. A. «*Rasskazy i razgovory o grushakh*»: *printsipy vokalnoy annotatsii* [“Stories and conversations about pears”: principles of verbal annotation]. Available at: <http://multidiscourse.ru> (accessed 29.06.20). (In Russ.).
- Mechkovskaya, N. B., Norman, B. Yu., Plotnikov, B. A., Suprun, A. E. (1983). *Obshcheye yazykoznaniye* [General linguistics]. Minsk: Vysheysh. shk. 456 p. (In Russ.).
- Mikhaylov, L. M. (2003). *Grammatika ustnoy rechi* [Grammar of oral speech]. Moskva: Izdatelstvo Astrel'-Ast. 348 p. ISBN 5-17-014558-6. (In Russ.).
- Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoye issledovaniye ustnogo russkogo* [Stories about Dreams: A Corpus Study of Oral Russian]. (2009). Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. 736 p. ISBN 978-5-9551-0303-7. (In Russ.).
- Shiryayev, E. N. (2003). Dialog [Dialogue]. *Kultura russkoy rechi: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech: Encyclopedic dictionary]. Moskva: Flinta: Nauka. 155. (In Russ.).
- Shpomer, E. A. (2014). Dialog kak osnovnaya forma rechevoy kommunikatsii: sistemnoye opisaniye spetsificheskikh chert dialogicheskoy rechi [Dialog as the main form of speech communication: system description of specific features of dialogic speech]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* [Bulletin of Khakass State University named after N. F. Katanov], 7: 92—98. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (1956). K izucheniyu russkoy dialogicheskoy rechi. Repliki-povtory [To the study of Russian dialogic speech. Replicas-repetitions]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 2: 67—83. (In Russ.).
- Yngve, V. (1970). On getting a word in edgewise. *Chicago Linguistic Society*. 567—578.
- Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi Chast' 1. Chteniye. Pereskaz. Opisaniye* [Sound corpus as a material for analyzing Russian speech Part 1. Reading. The retelling. Description]. (2012). Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakultet SPbGU. 421 p. ISBN 978-5-8465-1312-9. (In Russ.).